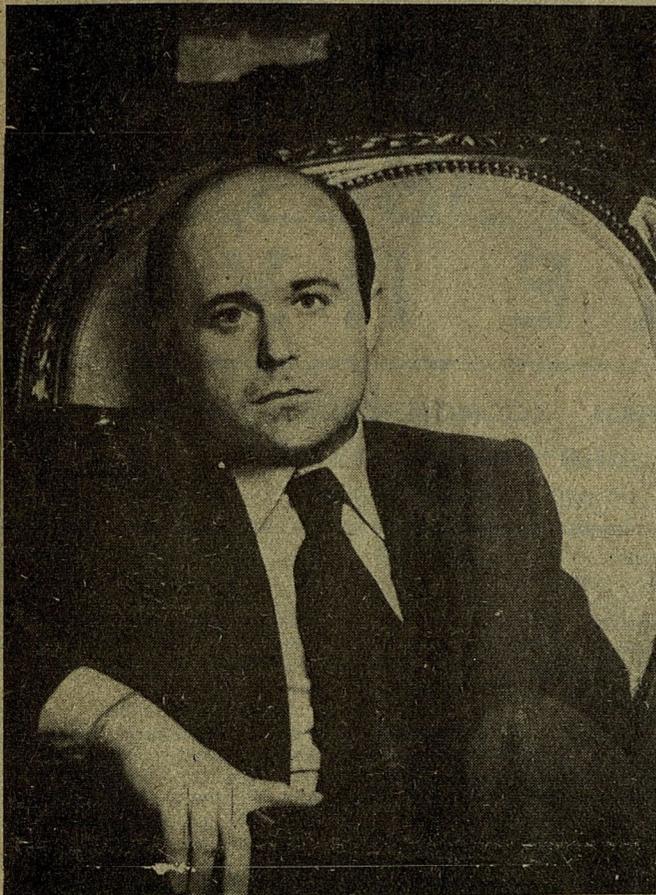

Н а ш и и н т е р в ю

Недавно три вечера подряд со сцены Дома актера им. А. Хорава (зал которого, отметим, был полон до отказа) звучали главы из бессмертного романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» и отрывок из рассказа А. Платонова «Лампочка Ильича». Читал заслуженный артист РСФСР Александр Калягин. Тбилисскому зрителю, хорошо знающему и любящему артиста по его работам в кино, на телевидении, в театре, было особенно интересно познакомиться с Калягиным в новом качестве: с Калягиным — тцецом. Аплодисменты, не раз прерывавшие выступление, смех, нараставший по восходящей, были свидетельством того, что творческий вечер прошел с большим и заслуженным успехом.

После выступления мы попросили Александра Александровича Калягина ответить на несколько вопросов.

**АБСОЛЮТНОЕ СЧАСТЬЕ
— ПРОТИВОПОКАЗАНО**

— Расскажите, пожалуйста, как вы пришли в искусство, была ли в вашей семье актерская традиция?

— До меня в семье актеров не было. Мама преподавала французский язык; отец был деканом исторического факультета, а позднее — директором института. А у меня с тех пор, как себя помню, была какая-то непреодолимая, на первых порах безотчетная, тяга к лицейству. Еще в детском саду я без устали кривлялся, дурачился, что-то и кого-то изображал. В школьные годы (в это время я уже бегал в студию Дворца пионеров) неосознанная стихийная любовь к искусству трансформировалась в увлеченность театром. Особую роль в этом сыграли выступления А. Райкина и передачи о Ч. Чаплине, которые вел по телевидению профессор Авенариус. С тех пор я «навечно заболел» Чаплиным и без конца подражал ему. В театральное училище пришел не сразу. Мама в глубине души, видимо, надеялась, что мое увлечение со временем дрейфует. Словом, мне пришлось окончить среднее медицинское учебное заведение и почти два года поработать фельдшером «скорой помощи» (но художественной самодеятельности не бросал). Наконец, поступил в Театральное училище имени Щукина, которое окончил в тот год, когда весь выпуск составил костяк нового театра под руководством Ю. Любимова. Проработал на Таганке два года, понял, что это не «мой» театр, и перешел в театр имени Ермоловой, где сыграл много ролей. В 1970 году О. Ефремов пригласил меня в театр «Современник», но вместо «Со-

временника» я оказался во МХАТе (куда Ефремов перешел главным режиссером и куда вскоре после перехода «забрал» меня), где работаю по сей день.

— Без какого качества, по-вашему, немислим сегодняшний артист?

— Мне трудно выделить одно какое-нибудь качество. В творческую лабораторию актера должна входить и техника, и его мировоззрение, и личные переживания (присписных истин о таланте и труде я повторять не буду). А если коротко — современный артист должен быть хорошим, интересным. И пусть он использует для этого все необходимые ему качества.

— Сейчас много говорят и спорят о театре эмоциональном и рациональном, актерском и режиссерском. За какой театр вы?

— За эмоциональный, за актерский, конечно. Мой уход из театра на Таганке и приход во МХАТ говорят сами за себя.

— Многие актеры театра и кино занялись режиссурой. Нет ли у вас такого желания? Если да, то чем это вызвано?

— Если откровенно, то желание есть, но я считаю, что пока еще не готов к этой весьма и весьма ответственной роли. На сегодняшний день это — желание, но не больше; видимо время пока еще не пришло. Иногда возникает мысль: «хорошо было бы поставить то-то или то-то, особенно в кино». Но когда я вспоминаю, что стоит за словами «поставить кинофильм», то желание мгновенно улетучивается. Что касается более реальных и более близких планов, — собираюсь начать преподавать в своей альма-матер — в Щукинском училище.

— Как родился моноспектакль «Записки сумасшедшего»?

— Роль Поприщина должен был исполнять артист Г. Вицин, но он отказался. И тогда на эту роль в театр им. Ермоловой пригласили меня. Репетировали, буквально, днями и ночами напролет. Сам процесс работы захватил настолько, что мы как-то даже не думали о том, что же в конце концов получится. Но в итоге, кажется, что-то получилось. Для себя же роль Поприщина я считаю одной из этапных и любимых.

— Театр, кино, ТВ, художественное чтение... Как вы делите свою любовь между этими музами?

— Довольно просто. Театр — это работа. Художественное чтение — мое второе призвание, к которому я приобщился с детства. И во Дворце пионеров, и в художественной самодеятельности я никогда не играл, только читал. Считаю, что это единственный жанр, который не разрешает «прикидываться». Когда выходишь на сцену, остаешься один на один с залом, тут уж ни за кого не «спрячешься»: ни за режиссера, ни за партнера, не поможет ни грим, ни костюм, ни декорации. Что касается съемок... Когда есть хорошая, интересная работа, то чем-то поступаешься.

— Что является решающим, когда вы даете согласие сниматься?

— Раньше главным было желание сыграть как можно больше разнообразных ролей. Стремился не повторяться, не заштамповаться, попробовать себя в разных жанрах. Теперь прибавились еще и такие вопросы: кто автор сценария, кто ставит фильм, кто будет играть?

— Что бы вы хотели сыграть?

— Как и у всякого актера, у меня есть заветная роль, но я, как и всякий актер, — суверен, поэтому разрешите мне пока о ней ничего не говорить. А в широком смысле слова хочу играть роли трагикомического плана.

— Над чем вы сейчас работаете?

— В театре работаю над ролью Тригорина в чеховской «Чайке». Режиссер С. Колосов пригласил меня на роли Куропеева — Муравьева в пьесе Володина «Назначенье», которую он будет снимать на ТВ.

— Что бы вам хотелось пожелать начинающим артистам?

— Работая со всей серьезностью, уметь смотреть со стороны и на себя, и на свою профессию с определенной долей иронии.

— Что вам, Александр Александрович, мешает быть абсолютно счастливым человеком, ведь у вас есть любимая работа, успех, искреннее признание зрителей, коллег и единомышленника жена, очаровательная дочка?

— Понимаю, что вопрос шуточный, но отвечу на него серьезно. Помните, что сказал современный о Жуковском? — «Не дай бог стать ему счастливым, тотчас лопнет его поэтическая муза...». В определенной степени это распространяется на всех людей искусства. Если человек не сомневается, не страдает, не отчаивается, если он перестает ощущать чужую боль, то сердце его заливается жиром. Это — несовместимо с Искусством. Так что, я не стремлюсь к абсолютному счастью. Оно мне просто противопоказано. А всем вам я его искренне желаю.

Беседу вел
Донара КАНДЕЛАКИ.

На снимке: А. Калягин.